

Галине Фёдоровне Ивановой (Мартышевой) не исполнилось и 5 лет, когда её отца призвали на советско-финскую войну, и было 5 с небольшим — когда он ушёл на Великую Отечественную.

Псковский округ Ленинградской области. Начало июля. Уже несколько дней через Новосельский район тянулись колонны беженцев из Советской Прибалтики. 4 июля Новосельск заполнили женщины и дети из города Острова, к которому подошёл враг. Мать 5-летней Гали, будучи телефонисткой-коммутаторшей районной телеграфно-почтовой станции, без особого на то распоряжения эвакуироваться не имела права, и потому задерживалась. 9 июля немцы захватили Псков. Продвинулись за реку Великую. Перед неприятелем открылась дорога на Лугу и Ленинград.

14 июля в Новосельске зазвучала немецкая речь.

Человеческая память избирательна, особенно — у детей. В детской памяти Галины Фёдоровны сохранились фрагменты, эпизоды, отдельные картинки тех страшных военных лет. Она помнит, как перед налётом вражеской авиации взрослые отправляли их, детей, в близлежащий лес, строго-настрога-наказывали хорониться под шатрами раскидистых, свисающих до земли, веток елей. Она помнит, что когда, наконец, было дано разрешение уходить, они в спешке покидают Новосельск. Двигаются то пешком, большим потоком, в колонне; то бегут по отдельности или

группами, спасаясь от немецких самолётов. Помнит, что к её телу мамой были привязаны валенки.

«Шли мы с мамой в Ленинград. В Ленинграде жили маминь родители, — поясняет Галина Фёдоровна, — дедушка работал дворником, бабушка — поваром. Жили они с тремя сыновьями в 16-метровой служебной комнате, что на Васильевском острове. А тут ещё и мы заявили. И стало нас 7 человек на шестнадцати метрах! Помню осень на Васильевском острове — деревья жёлтые, красные, коричневые. Такая красота! И помню, что мрак всё время над улицей стоял, на которой мы жили. Это небо было густо загорожено стратостатами от самолётов немецких. Когда мама устроилась на металлообрабатывающий завод, ей комнату от завода дали. В этой комнате всю блокаду и после блокады и жили.

Для нас, детей, кто остался в городе с работающими родителями, был организован круглосуточный детский сад, который размещался в бомбоубежище жилого дома... Кормили нас утром и вечером какой-то клейкой, невкусной то ли кашей, то ли супом. Иногда утром или вечером давали малюсенький кусочек глюкозы, в обед — маленький кусочек хлеба. У каждого из нас была алюминиевая кружка. Как и положено, раз в неделю или реже мылись в бане.

С нами занимались две воспитательницы — сёстры Пальчинские: Ольга Александровна и Анастасия Александровна. Они приходили к нам с Петроградской стороны пешком, приносили книги, карандаши, учили нас читать и писать, читали нам Пушкина, Лермонтова, Гайдара, заставляли нас заучивать стихи.

На улице мы почти не бывали. Если выходили на улицу, то скреплённые верёвкой друг с другом, как альпинисты в связке, гуськом, по пять человек, чтобы не потерялись. Нас сопровождали взрослые. Скреплённые таким образом, и деревянные зава- лы после бомбёжек разбирали, и за водой на Неву с бидончиками, чайниками, вёдрами ходили.

Галина Фёдоровна
Иванова (Мартышева).

Летом 1943 года чуть легче жить стало. Кроме того, в наш рацион стала добавляться крапива, лебеда, прочая поросль, которую мы сами и собирали во дворах, на газонах и созданных грядках.

Осенью 1943 года я в первый класс пошла. Перед школой особо ослабленных, доходяг и больных вывозили на природу — в пионерский лагерь во Всеволожск, в Мельничный Ручей. Среди таких была и я.

Окна школы были заложены мешками с песком — защита от осколков. Учителя постоянно проверяли у нас чистоту воротничков. Классом ходили к морякам на корабль, который стоял возле набережной, пели песни, читали стихи. Нас угощали чем-нибудь вкусным.

Вместе со старшими ребятами лазали по чердакам домов в поисках лежбищ и следов сигнальщиков, наводящих немецкие бомбардировщики на объекты.

Когда в январе 1944 года объявили о снятии блокады Ленинграда, помню, был грандиозный салют на набережной лейтенанта Шмидта».

...Потом у Галины Фёдоровны был институт, очень уважаемая профессия, учёная степень.

Кандидат экономических наук, лауреат Государственной премии за особые заслуги перед государством в градостроительстве, Галина Фёдоровна Иванова, сравнивая нынешнее мирное и то, военное время, с горечью констатирует, что тогда, в те годы, несмотря на страшные лишения, на голод, холод, смерть, в людях были доброта, отзывчивость, незлобивость, взаимопомощь, каждый спешил помочь другу, выслушать, откликнуться.

«Такие нынче времена», — возразят представители нынешнего поколения. Ничуть! Время мы делаем сами, его «начинка» — творение плоть от плоти нашей. Что сеем — то и пожинаем.

Галина Фёдоровна Иванова (Мартышева) — ребёнок блокады. Это звучит гордо! У детей блокады особый статут, положение, узаконенное в стихотворении, — я бы сказал, в гимне, — Анатолия Молчанова:

Говорят, я ребёнок блокады.

Возражаю решительно: — Нет!

Я был школьник тогда, и не надо

Это путать за давностью лет.

В сорок первом мне «стукнуло» девять,
И Гайдар нас уже научил,
Что мальчишкам положено делать,
Если «К бою!» сигнал прозвучит.

Как измерить вклад нашей смекалки,
Ловких рук и внимательных глаз?
Лично я не тушил «зажигалки»,
Но на крыше дежурил не раз,

С порученьем по лестницам бегал,
За шпионом немецким следил,
В дом дрова добывал из-под снега,
За водой на Фонтанку ходил,

Помогал чистить город в апреле,
А с июня растил урожай.
И под парту не лез при обстреле,
Хоть и знал, чем снаряд угрожал.

Да, я младшим был школьником, правда,
И не всё мог поднять и понять.
Но и младшим вручалась награда —
Это значит, экзамен блокады
Мы сдавали с оценкою «пять»!

Медали — памятные знаки «Жителю блокадного Ленинграда», «В честь полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» и «В честь победы в Великой Отечественной войне» — аттестат зрелости ребёнка блокады Галины Фёдоровны Ивановой (Мартышевой).